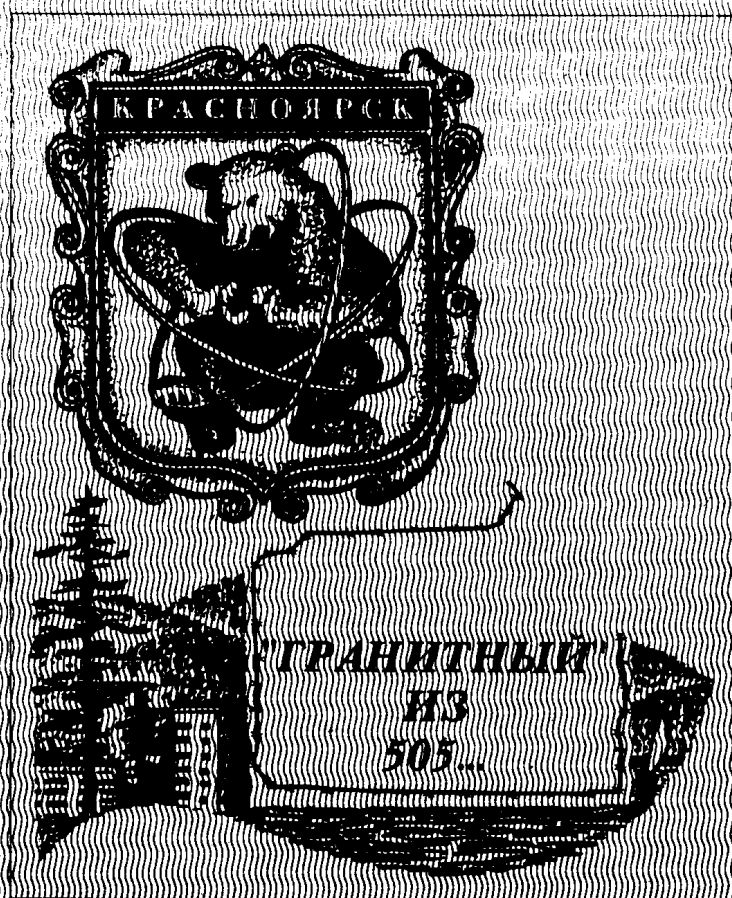


История ГОРОДА



Красноярск-26

**Муниципальная организация культуры
г. Красноярск-26
Музейно-выставочный центр**

**"Гранитный" из 505...
(Исследование по истории
исправительно-трудовых лагерей заключённых,
расположенных на территории
г. Красноярск-26)**

Красноярск-26, 1994 г.

Муниципальная организация культуры г. Красноярск-26
Музейно-выставочный центр

«Гранитный» из 505... (Исследование по истории исправительно-трудовых лагерей заключенных, расположенных на территории г. Красноярск-26)

Автор-составитель ст. научн. сотр. - С.П. Кучин

Рассмотрено и утверждено на научно-методическом совете музейно-выставочного центра в декабре 1993 г.

©Красноярск-26, 1994 г.

Исследование по истории исправительно-трудовых лагерей заключенных на территории г. Красноярска-26 и промышленных объектах города проведено на основании материалов архива горно-химического комбината и воспоминаний бывших работников исправительно-трудовых лагерей.

Автор выражает благодарность начальнику отдела фондов ГХК В. И. Мешайкину, И.С. Машковцеву зам. директора ГХК по безопасности за оказанную помощь в подборе и систематизации материалов по исследованию истории исправительно-трудовых лагерей, а также С.Д. Вотинцеву, Г.А. Донякину, З.В. Еременко, А.И. Колпаковой, П.А. Коркину, О.А. Протасовой, Н.В. Покатилову, С.М. Сергееву, Г.С. Скирдову, О.Н. Анциперову, принявшим участие в исследовании и предоставившим музею свои воспоминания и фотографии.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СКУПЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

При строительстве города Красноярск-26, промышленных объектов горно-химического комбината, а также при строительстве и эксплуатации промышленных объектов управления строительства «Сибхимстрой» (на деревообрабатывающем комбинате, ремонтно-механическом заводе, авторемонтном заводе, на заводах сборного и товарного бетона, на кирпичном заводе и т.д.) в первые годы строительства (1950-1960 гг.) использовался труд заключенных.

В конце октября 1949 года началось строительство железной дороги от станции Базаиха к месту будущего строительства г. Красноярск-26. К строительству были привлечены заключенные лагерного отделения, расположенного на станции Базаиха и занятые, в основном, на строительстве ТЭЦ.

Однако, в декабре 1949 года строительство было законсервировано и заключенные сняты со строительства железной дороги.

После принятия ЦК КПСС и Совмином СССР Постановления №836-302 сс/оп от 26.02.50 г. о строительстве на территории Красноярского края оборонного предприятия атомной промышленности, МВД СССР 29.05.50 г. издает приказ №00336 о создании исправительно-трудового лагеря заключенных под условным названием «Гранитный» и специализированной железнодорожной организации №505 ГУЛЖДС. Им поручается строительство железной дороги «Базаиха-Красноярск-26» и лагерных отделений.

Работа по строительству железной дороги была начата в мае 1950 г. силами заключенных в количестве 842 человек, прибывших из лаготделения «Гранитный». Лаготделение было разбито на отдельные колонны, которые разместили по трассе железной дороги в землянках:

- колонна 101 - станция Базаиха,
- колонна 102 - 4-й километр,
- колонна 103 - 18-й километр,
- колонна 105 - 25-й километр,
- колонна 106 - 31-й километр,
- колонна 110 - 42-й километр,
- колонна 108 - 45-й километр,
- колонна 109 - 48-й километр,

Одновременно велось строительство лагерных отделений для заключенных в пункте «Л» (пос. Заозерный) и на "Причале" в Красноярске.

На основании приказа начальника п/я 9 №016 от 20.05.50 г. были созданы:

- лаготделение 1 в пункте «Л» (пос. Заозерный),
- отдельный лагпункт 3 в пункте «З» (пос. Зыково),
- отдельный лагпункт 4 - ОЖДП.

На "Причале" было организовано два лаготделения:

- №1 - пересыльное,
- №2 - производственное.

Приказом начальника ИТЛ «Гранитный» №12 от 20.06.50 г. колонна №109 направляется для развёртывания работ в районе «Прижима».

Чтобы начать горные работы - проходку тоннеля (штолен), с берега Енисея необходимо было сделать «полку» - дорогу, откуда можно было вести врезку в горный массив. Он очень круто, без какого-либо выступа, опускался в Енисей.

Приказом начальника п/я 9 №270 от 7.07.50 г. устанавливается следующая нумерация лагерных отделений:

- лагерное отделение №1 - в пункте «Л» (пос. Заозёрный),
- лагерное отделение №2 - в пункте «М» (пос. Майка),
- отдельный лагпункт в поселке Зыково,
- пересыльный ОЛП - на "Причале".

Для обеспечения рабочей силой 3-го строительного района с 20.07.50 г. (приказ п/я 9 №321 от 2.08.50 г.) формируется лагпункт на 300 человек в пос. Додоново. Административно он входит в лагерное отделение №1.

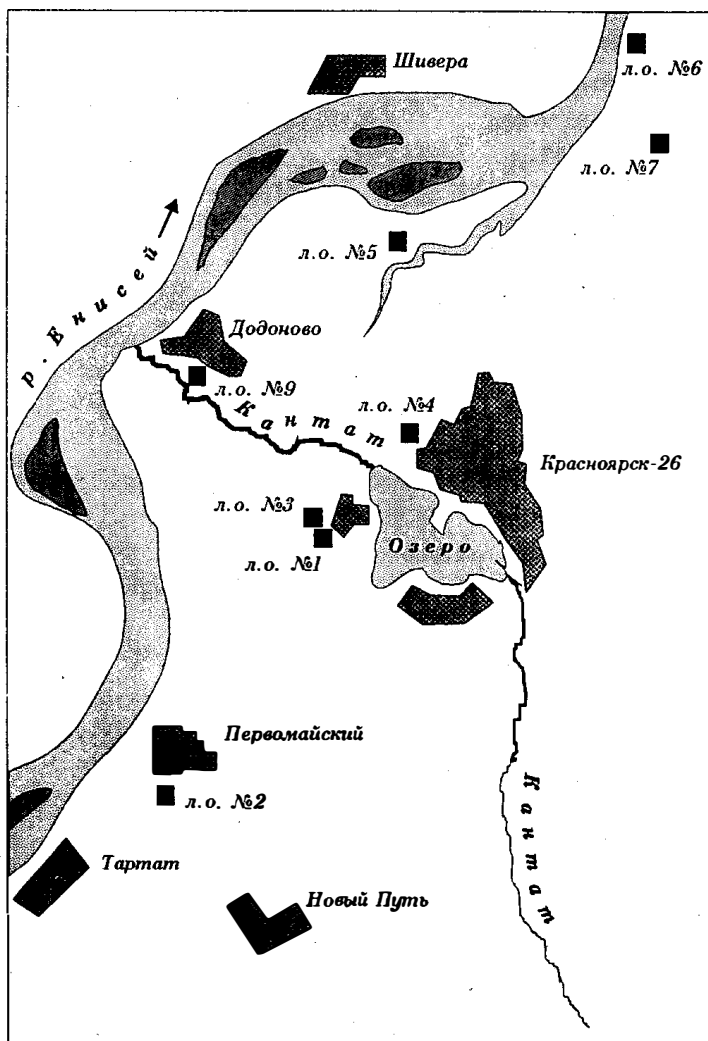


Схема
расположения исправительно-трудовых лагерей
в районе г. Красноярск-26
(1950-1954 гг.)

Приказом №007 от 2.08.50 г. организуется ОЛП в пос. Шивера на 100 человек.

С 15.08.50 г. на территории авторемонтного завода (у "Причала" в Красноярске) организуется цех металлоконструкций, где работали заключенные ОЛП-4.

На основании приказа МВД СССР №0684 от 9.10.50 г. ИТЛ «Гранитный» и строительное управление 505 ГУЛЖДС передаются в состав управления строительства п/я 9. В связи с этим бывшие колонны №№101-110 стали именоваться лагерными пунктами (ЛП) и были закреплены за строительными районами №№2, 3, 5 и 7.

В составе ИТЛ числилось 5157 человек. Из них мужчин - 3939, женщин - 1218. В ноябре 1950 г. произведена реорганизация лагподразделений - создано 5 самостоятельных лаготделений и 2 отдельных лагпункта.

- ЛО №1 на пункте «Л» (пос.Заозерный),
- ЛО №2 на пункте «М» (с приданием ему ЛП106),
- ЛО №3 на пункте «З» (пос. Зыково),
- ЛО №4 на пункте станция «Базаиха» (на базе колонны №101 с включением в него колонн 102, 103, 104, 105, ОЛП-4 и ЛП «П» ("Причал"),
- ЛО №5 - на пункте «Д» (на базе колонны 109 с включением в него ЛП «Д» и колонны 108),
- ОЛП №6 - на лесозаготовках,
- ОЛП №7 - на базе и в пункте расположения колоний №110.

С 10.02.51 г. ЛО №4 - разукрупнено на:

- ЛО №4 - в составе ЛП №№101, 102 «П» ("Причал") и ЛП при шлакоблочном заводе (ЛП №2 - карьер в Зыково) и
- ЛО №8 в составе колонн №№103, 105 и "Уклад городка" (все в пятом стройрайоне).

Приказом начальника УСЖР №041 от 14.04.51 г. введена следующая дислокация: ЛО №1 с ЛП «Додоново», ЛО №2 с сельхозкомандированными в пос. Новый Путь и ЛП №103, ЛО №3 (бывшие ЛО №4) с ЛП «З», «П» и шлакоблочного завода. ЛО №4 (бывшее ЛО №7).

Приказом начальника УСЖР №050 от 13.04.51 г. ЛП №102 «Причал» ликвидируется. ЛП №101 работает на АРЗе в Красноярске, ЦМК, на КрасТЭЦ, карьере «З»,



Работники управления
исправительно-трудовых лагерей
Красноярска-26 (Фото 50-х годов).

РММ и автобазе, ОЖДП, пождепо и т.д. Приказом по УСЖР №994 от 2.06.51 г. ОЛП №4 реорганизован в ЛО №4. Для обеспечения рабочей силой дорожных и горных работ в районе «Прижима» с 3.07.51 г. приказом по УСЖР №088 от 2.07.51 г. организуется ЛО №5 на 3000 человек.

13.07.51 г. для обеспечения горных работ рабочей силой началось строительство лагеря на 4000 человек на берегу Енисея в 1,5 километрах ниже устья р. Шумиха. В первом квартале 1952 г. были организованы ЛО №№6 и 7 для обеспечения рабочей силой горных работ.

В июле 1952 г. из ЛО №3 был выделен ОЛП «З», преобразованный затем в ЛП №3 Зыковского кирпичного завода.

На 1.01.53 г. списочный состав заключенных составил 27314 человек, из них 23284 мужчины и 4030 женщин.

С 1.12.52 г. ОЛП №7 (Додоново) реорганизован. На его основе созданы два лагпункта - мужской и женский..

На основании Указа ГПС СССР и ГУЛАГа Министерства юстиции СССР в соответствии с приказом по УСЖР №004/4 от 5.05.53 г. УИТЛ выделено из состава УСЖР.

На май 1954 г. в Полянском ИТЛ (новое название УИТЛ) куда входили ЛО №№ 1-6, 7, 8 и 4-х ЛП (из них 2 женских) было 10457 человек.

В состав ЛО №1 входил штрафной ЛП (ШИЗО). За горным управлением было закреплено два лагеря общей численностью около 5000 человек, осужденных за бытовые и служебные преступления, с остатком срока не менее двух лет.

ЛО №7 ИТЛ ДФ-9 было выведено с территории промзоны к июню 1960 г.

Управление ИТЛ ликвидировано в январе 1965 г.



Президиум слёта передовиков производства в лагерном отделении №5 (Фото 1959 года).

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШИХ РАБОТНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ

ЕРЕМЕНКО (БОНДАРЕВА) ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА,
медсестра

В 1951 г. после окончания двухгодичной медшколы в г. Павловске Воронежской области я по направлению приехала в село Додоново. Первая запись в трудовой книжке: «31 июля 1951 г. Управление строительства железных рудников».

Из нашей школы приехало несколько человек. В Додоново осталось 4, остальные в Соцгороде. В Додоново был барак, где была больница, в ней мы и начали свою трудовую деятельность. Через несколько месяцев нас передали в Управление п/я ДФ-9 МВД, т.е. работать с заключенными.

Насторожились, испугались, но когда ознакомились, оказалось, что «там» такие же люди и работа медицинская такая же, как и была на практических занятиях.

Зона Додоновского лагеря была разделена колючей проволокой, по одну сторону было мужское отделение, по другую - женское. Мы работали только в женском.

В одном из бараков и находился наш Дом младенцев. Оказалось, что в зоне появляются младенцы. Одни мамы пришли уже в «положении», другие как-то ухитрились попасть в «такое положение» уже на объектах, где работали вместе мужчины и бесконвойные женщины. Они работали в день, без охраны, а после работы снова приходили в лагерь. В «Доме младенцев» находилось около 30 ребятишек грудного возраста, 3 акушерки из числа заключенных, вольнонаемный, врач.

Роды принимали акушерки, а мы, медсестры, работали с ребятишками. В нашу обязанность входило снимать пробу на пищеблоке для заключенных и

контролировать его санитарное состояние с записью в соответствующие журналы. Контрольная проба оставлялась на сутки под замком.

Работали мы сутками: сутки работаем, трое - дома. Со мной работала Грушина Наталья Сергеевна (сейчас - Слоква), Прасковья Яковлевна Минкина (Гавриленко), имя четвертой - забыла, но знаю, что она уехала из города. А две другие работают и сейчас в Красноярске-26.

Кажется в 1953 г. нас всех перевели работать в лагерь №1, где начальником был Бабкин Владимир Степанович, а начальником санчасти - врач Тамара Дмитриевна Абрамова. К сожалению, оба уже ушли из жизни.

В лагере была амбулатория (лагерная поликлиника), где врач или фельдшер вели амбулаторный прием. Зубной кабинет, процедурный кабинет, лаборатория. Рядом находилась центральная больница - три барака.

В одном было хирургическое отделение с врачом хирургом, операционной медсестрой и хирургическими сестрами. Все они гражданские. Санитарами были заключенные.

Второй корпус - терапевтическое отделение, где работали врачи-терапевты; Мартемьянова, Заширинская, Лихачева Анна Григорьевна, невропатолог и мы, медсестры. Все также работали через трое суток.

Третий корпус - туберкулезное отделение. Врачи и медсестра, работали там только в день.

В «поликлинике» был также рентгенкабинет, где работали медсестра и врач Протасова Ольга Алексеевна (она и сейчас живет в городе). Врачи - окулист, ЛОР - принимали в определенные дни. Они приезжали из других лагерей. Не знаю - с шестого или седьмого лагеря.

Центральная больница была ограждена еще одной проволокой. На вахте сидел военнослужащий. Работа медсестры в терапевтическом отделении ничем не отличалась от гражданской больницы: выполнение

назначений врача, измерение температуры, раздача лекарств, различные инъекции, внутривенные вливания, банки, парафин, соллюкс. Словом, обычная сестринская работа. Утром, в 6 часов, медсестра должна была снять пробу на пищеблоке, также с записью. За медсестрой приходил военнотружущий и они шли на пищеблок. Для больных было отдельное питание.



Медицинские работники лагерей.
(Фото 50-х годов).

За территорией лагеря находилась аптека, заведовала которой Сергеева Лидия Николаевна. Вся медицинская служба работников направлялась главным врачом - начальником медсанчасти лагеря Абрамовой Тамарой Дмитриевной.

Санитарной службой заведовала Дворецкая Берта Абрамовна. Старшей сестрой была Лушня Мария Ивановна, лаборантом - Гордеева Вера Кузьмовна. Дежурные медсестры - я, Давыдова Нина А. (сейчас

врач), Гавриленко Э.Г., Игнатова (сейчас работает в госпитале) и другие. Все мои коллеги работают в городе и сейчас. В хирургическом отделении работали Грушина (Слоква) Н.С., Харина (Пошихонова) Г.В. (сейчас врач санэпидемстанции). Мы отмечали Октябрьские праздники, Восьмое Марта. Администрация поздравляла, поощряла нас Почетными грамотами. Еженедельно главным врачом проводилась планерка всех медицинских работников.

Все сотрудники лагеря выходили на уборку картофеля в Додоново. Летом выезжали в Николаевку за ягодой. Во время избирательной компании в стране мы были агитаторами, участниками избирательной комиссии. Наш участок - воинская часть и население «Элки».

Там, где сейчас профилакторий «Строитель», был штрафной лагерь или «Шамаринская дача». Не знаю, почему так называли, но говорили, что там сидят особенно опасные заключенные, осужденные за убийство. Там тоже работал наш медицинский работник - фельдшер, фамилия, кажется, Богославская, а потом - мужчина-фельдшер. Днем работал он, а ночью, если кто серьезно заболел или «ЧП», вызывали дежурную медсестру, и мы с военнослужащими шли туда или советовали, что дать из аптечки.

Не проходило ни одного дежурства, чтобы ни приводили какого-нибудь больного из основного лагеря. Оказывали помощь, и он уходил с дежурным военным. Иногда приходилось ночью с дежурным идти в барак. Но это запрещалось. Я была, кажется, один раз, и не одна, а с военным и санитаром. С собой я взяла шприц с сердечным препаратом. Барак большой, двухъярусные нары, полумрак, горели лампочки только в середине, вдоль барака. Едва переступили порог - у меня, наверное, волос дыбом встал от страха. В середине, у стенки, лежал уже без сознания больной. Пульс не находила, сделала укол в руку. набрала еще кофеин и сделала инъекцию, где

должно быть сердце. В сознание он не приходил, пульса я не находила. Потом, после вскрытия, говорили, что у него был инфаркт.

Вообще, то ли наша молодость, то ли строгая и спокойная обстановка, мы не очень были напуганы. Бог, наверное, нас берег. За время работы в лагере, с 1951 по 1962 гг., никакого «ЧП» с медиками в нашем лагере не произошло. Один раз была стрессовая ситуация. Пришел завхоз при больнице и сообщил, что в лагере бунт и ни одного гражданского в лагере нет, кроме меня и хирурга Новикова. Он сказал: «Одевайтесь и пойдемте из лагеря.» И вот мы троим,



За чтением книги. Больничное отделение
лагеря заключённых (Фото 50-х годов).

нервы как струна, идем по центральной дороге. Бунта внешне не заметили, прошли спокойно, а за зоной уже дали волю истерическому плачу. А потом все опять нормализовалось.

Была у нас комсомольская группа - человек 5 - 6. Мы находили себе работу: проверка санитарного состояния бараков, столярной мастерской, имеется ли аптечка у дежурного и т.п. Днем большинство заключенных работали на объектах: ДОКе, цементном заводе, в «соцгороде». В Додоново был промышленный цех - шили рукавицы, спецодежду. Других объектов я не знаю. Ну, а в шестом, седьмом лагере все работали, наверное, в шахте.

После лагерей я пять лет работала в школе-интернате №94 медсестрой. За это время директорами тут были: Ежков Л.А., Дерюгина, Ермаков А.А. Здесь другая специфика - шумная, звонкая ватага. Во время каникул, летом, работа в пионерлагере «Дружба».

С 1967 г. и по настоящее время работаю в профилактории. Сначала он был №2, потом «Юность», а теперь «Строитель».

И так 43 года на службе здоровья в нашем городе. Выходит, что мой стаж в городе больше, чем лет городу.

Молодой наш город - 40 лет, нам - 60. А были мы 19-20-летние. Профессия моя была любимая, где бы я ни работала, и плюс постоянно, ежегодно общественная работа.

Вот и все, что вспомнила и написала для музея города, расположен в здании, где я проработала 5 лет в школе-интернате. А теперь здесь - История.

Дополнение

Кормили заключенных три раза в день. Утром и вечером каша (перловая, овсяная) и картофель. Обед - суп рыбный, щи с крупой, чай, компот. На территории лагеря был ларек, где продавали для заключенных папиросы, сахар и др. (не помню что). Были также клуб, библиотека.

Ещё вот что до сих пор помню: во время дежурства, перед утром, пришел военнотружущий дежурный и говорит: «Пойдемте, там, на территории, лежит чело-

век. То ли больной, то ли мертвый.» Почти у вахты, в канаве, лежал мертвый заключенный. Оказалось, что это был бесконвойный Серебряков. Назавтра ему надо было освобождаться из лагеря и его убили сами заключенные. Потом говорили, что он «стукач» и за это поплатился. Это жестокая лагерная жизнь.

Еще случай, который помню. У нас в терапевтическом отделении долго лежал больной Двинов с парализованными ногами. Вызывали из Красноярска психиатра, он тоже подтвердил, что ноги парализованы. Стали готовить материал, чтобы больного досрочно освободили. Двинов, наверное, решил форсировать это и «повесился» на койке (спинке). Быстро освободили его от веревки, начали делать искусственное дыхание, а он притворился недвижимым. Потом я заметила, что лицо розовое, и поняла, что он уже притворяется.

Его все-таки освободили. Наша медсестра сопровождала Двинова, а когда приехали до конечной остановки, он сказал: «А теперь я сам пойду». И пошел... Вот такое было.

...Иногда дежурные приводили больных с температурой утром или ночью. Мы, дежурные медсестры, осматривали их, давали лекарство и справку об освобождении от работы, советуя вечером явиться на прием к врачу. Иногда пациентов приводили и говорили: «Он, заключенный, пьяный или выпивши, дайте справку.» Мы проводили «стаканную пробу». Запаха спиртного не слышно - писали: «стаканная проба отрицательная». Потом с удовлетворением отмечаешь, что не «подыграл» коллеге. Может он и «подчифирил», но это мы не могли определить.

**ВОТИНЦЕВ СЕРГЕЙ ДЕМИДОВИЧ, бывший
инспектор УИТЛ**

Я приехал в г. Красноярск-26 в мае 1950 г. в качестве инспектора спецотдела управления строительства, которое располагалось на "Майке" в бараке, на берегу Енисея.

Начальником строительства и управления исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) заключенных был генерал-майор М.М. Царевский.

ИТЛ создавались (формировались) постепенно, численность их менялась. Лагерное отделение №1 располагалось на «Л» ("Элке"). Лагерное отделение №2 на "Майке" - это отделение обслуживало ДОК. Расположены они были на том месте, где сейчас размещается госпиталь. Два женских лагпункта располагались в деревнях Додоново и Новый Путь. Лагерное отделение №3 - на станции Базаиха. Это отделение было как пересыльное. Был лагерь в деревне Зыково на строительстве кирпичного завода. Вернее это часть лагерного отделения №3. Лагерное отделение №4 располагалось в городе на том месте, где впоследствии стоял полк Озиранского (за железной дорогой, напротив управления железной дороги - УЖТ).

Б.М. Озиранский был начальником лаготделения и начальником четвертого стройрайона, а потом, когда заключенных вывели и заменили солдатами, он стал командовать полком, а затем бригадой. Лаготделение №5 размещалось на «Пасеке». Крупный был лагерь, порядка 5-6 тысяч заключенных. Обслуживал этот лагерь горняков. Лагерное отделение №6 было расположено за горой, где очистные сооружения, напротив с. Атаманово.

Были лаготделения №№8, 9, 10, но они развивались потом на базе ранее существующих.

Был лагпункт строгого режима «Шамаринский лагерь», он располагался там, где сейчас профилакторий «Строитель».

Железную дорогу строили заключенные 505 стройки. Здесь было несколько колонн. Они размещались по трассе железной дороги:

- колонна №101 на станции Базаиха, .
- колонна №103 в дер. Терентьевка,
- колонна №105 в дер. Тартат,
- колонна №109 на «Пасеке».

В каждой колонне было 300-400 человек. Как правило, они жили в больших обустроенных землянках. Политические заключенные после окончания строительства железной дороги были переданы в другие лагеря, а осужденные за бытовые и административные нарушения остались, и на базе этих колонн формировались лаготделения.

Жилищно-бытовые условия, конечно, были своеобразные. Лагерь есть лагерь. Но я должен сказать, что в лагерях, обслуживающих горняков, условия были лучше, чем в лагерях строящих город. Питание было лучше, имелись и платные столовые, магазины, ларьки, свои пекарни. Даже вольнонаемный состав покупал лагерный хлеб - он был вкуснее. Деньги в 50-х годах заключенные могли иметь на руках, потом уже стал заработок перечисляться на лицевые счета. Горнякам полагалось дополнительное питание - молоко. В бараках у заключенных стояли бочки с сухим молоком, и кто сколько хотел, столько и брал. И в городских лагерях были коммерческие столовые, магазины, но дополнительного питания, не было. Конечно, условия были похуже. Дело в том, что в горняцких лагерях воров «в законе», осужденных за разбой, бандитизм и прочее - не было. Если кто-то нарушал режим и порядок, их отправляли в городские лагеря. Тогда существовало положение, по которому запрещалось завозить в город политических заключенных, а также осужденных за бандитизм, разбой. В основном, это были «указники». Я занимался учетом заключенных. В 1953 году было 28 тысяч заключенных.

**ДОНЯКИН ГЕННАДИЙ АКИМОВИЧ, бывший
начальник оперативной части управления лагерей.**

Родился в 1920 году в с. Ирбее Красноярского края. До войны был призван в армию, служил на востоке, в Монголии. После армии направлен в Саратовское пограничное училище. Закончив его в звании лейтенанта, приехал на Маньчжурскую границу помощником начальника пограничной заставы. Вскоре был отозван в Москву и оттуда направлен в Свердловскую оперативную школу на шесть месяцев. Во время освобождения Польши служил на западе, затем два месяца работал на фильтрации военнопленных. Затем служба в Донбассе, на шахтах, где работали немецкие военнопленные.

В 1952 году написал рапорт для отправки в Сибирь. В это время пришла разнарядка, по которой я попал в Красноярск в распоряжение Красноярского управления ОВД, а уже оттуда направлен в наш город старшим оперативным уполномоченным в лагерь №7, где проработал с 1953 по 1959 год.

Лагерь находился на горе, у «сосны Царевского». Приблизительно в нем отбывало наказание около 3000 заключенных, в основном, осужденных по указам (бытовики). Политических заключенных в лагере не было. Жилищно-бытовые условия были хорошие: в бараках стояли двухъярусные деревянные нары, регулярно меняли постельное белье. В зоне были магазин, столовая, баня, свой клуб и библиотека. Заключенные лагеря №7 обслуживали горное управление, т.е. работали на основном объекте. Работали по 8 часов, в три смены. Нормы выработки практически всегда выполнялись, т.к. зачеты шли один к трем. Работа частично оплачивалась деньгами. Охраняла лагерь военчасть 6620 (последним начальником здесь был Суховатов, начальником штаба Лобецкий). Часть располагалась на "Элке" и обслуживала все лагеря. Бунтов в лагере не было. Иногда вспыхивали ссоры, драки, но серьезных правонарушений не было. Часто

в лагере были начальники участков, проводили планерки, собрания, подводили итоги. Руководство в лагере бывало редко.



Майор Владимир Степанович Бабкин,
начальник 1-го лагеря. (Фото до 60-х годов)

С 1959 г. по 1964 г. работал в управлении лагерей до самого расформирования. В 1964 году уехал в Норильск для работы в лагерях. Там отбывали сроки уголовники и политические заключенные. По сравнению с нашими лагерями, условия содержания заключённых были намного хуже. Банды, поножовщина, проигрывание в карты и т.д.

Лагеря, размещенные на территории нашего города:

- лагерь №10 (на "Прижиме") - начальник Чупров И.Б.,
- лагерь №7 (на горе, у "сосны Царевского") - начальник Кириков Г.И.,
- женский лагерь - Додоново,

- лагерь на "Элке" - начальник Павелко А.В., заместитель - Басенко.
- лагерь №2, 4 - начальник Бабкин Владимир Степанович,
- режимный лагерь на "Элке" - начальник Покатилов Николай Васильевич,
- лагерь в Атаманово (Данные о нём не помню).

КОРКИН ПРОКОПИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
бывший оперуполномоченный

Родился в деревне Кекорка Туринского района Свердловской области в семье крестьян. Образование 10 классов. До армии работал техническим секретарем в дирекции Полещинского совхоза. В октябре 1939 года призван в армию. Службу проходил в г. Иваново, в конвойных войсках МВД. Во время Великой Отечественной войны был в снайперской роте командиром отделения. В 1942 году с ротой отправлен на фронт под Юхно. Приказом командира дивизии через месяц рота была отозвана с фронта и направлена в село Оранки Богородского района для охраны военнопленных. В 1943 году роту вновь направили на фронт, на три месяца под Минск. Затем меня перевели в Москву, в отдел контрразведки, где была предложена работа в этом отделе. Я дал согласие.

Для подготовки к этой работе меня направили на стажировку на три месяца в город Горький. После стажировки вернулся в Москву, где должен был принимать механизированный батальон. Но, так как я плохо разбирался в технике, я отказался от этого батальона и меня направили на формирование конвойного полка. В 1944 году сформированный полк был направлен на Западную Украину в Станиславскую область. Полком от бендеровцев были очищены города Станислав, Короленко и многие другие районные городки. Пробыл я там до 1946 г. Затем по семейным обстоятельствам перевелся в отдел контрразведки города Свердловска-44.

В августе 1951 г. был направлен в г. Ригу на переподготовку, после чего направлен в наш город, куда я прибыл 18 апреля 1952 года. Здесь назначен оперуполномоченным в пятый исправительно-трудовой лагерь. Жил на станции Базайха, в общежитии. Затем переехал в Терентьевку, где снимал квартиру,

оттуда ездил на работу, так как в городе жилья еще практически не было. На территории города и в его окрестностях одновременно было около семи лагерных отделений, хотя нумерация их доходила до 11.

Лагерь №1 размещался на "Элке" (п. "Л"), начальник лагеря - Бабкин Владимир Степанович, старший оперуполномоченный - Дворецкий Алексей Сергеевич. Зона обслуживания: строительство домов, дамбы, расчистка ложа будущего озера, бетонный завод, АРЗ, РМЗ.

Режимный лагерь был расположен на территории современного профилактория «Строитель», начальник - Покатилов Николай Васильевич. Командир взвода охраны - Коровянский, старший оперуполномоченный - Чумаченко.

Лагерь №3 - в Терентьевке. Там производился отбор заключенных в лагеря, размещенные на территории города. Отбирались заключенные, осужденные за бытовые преступления, воровство и т.п. Осужденных по ст. 58 (политических) не было.

Лагерь №5 - на «Пасеке», начальник - Чупров Иосиф Борисович, командир дивизиона охраны - Литвиненко, старший оперуполномоченный - Кушкин. Зона обслуживания: шахта (хозяйства №106, 107).

Лагерь №6 - напротив села Атаманово, начальник лагеря Олябьев, командир дивизиона охраны - Егоров, старший оперуполномоченный - Бородин.

Лагерь №7 - на «Горе». Начальник лагеря Кириков Григорий Иванович, командир роты охраны - Размаит, старший оперуполномоченный - Донякин Геннадий Акимович. Зона обслуживания - шахты (хозяйства 106, 107).

Лагерь №8 - Зыково. Начальник лагеря Шилов, зона обслуживания: кирпичный завод.

Лагерь №9 - Додоново (мужской и женский). Начальник лагеря - Федулов, командир взвода охраны - Захаров В., старший оперуполномоченный - Предеин.

Лагерь №10 - напротив Атаманово. Начальник лагеря Устюгов, командир взвода охраны - Литвиненко, старший оперуполномоченный - Лейко. (Лагерь существовал очень недолго).

По численности заключенных большими лагерями были: №1(около 6 тысяч человек), №5 (5-6 тысяч человек), №7. Малочисленными - №9 и режимный лагерь. Лагеря строили по типовой схеме:квадрат, обнесенный колючей проволокой, по углам стояли вышки для надзирателей. На территории лагеря размещались бараки для заключенных, столовая, коммерческая столовая, клуб, медицинский пункт. В бараках жили по отрядам, которые в свою очередь делились на бригады. Во главе отряда стоял командир, во главе бригады - бригадир. Спали на деревянных нарах, размещенных перпендикулярно к стене и соединенных по четыре. Имелись постельные принадлежности.

КОЛПАКОВА А.И., бывший И.О. начальника ППЧ

В город приехала в сентябре 1951 года. По распределению отдела кадров была назначена в лагерное отделение №4 и.о.начальника ППЧ (Планово-производственная часть). Я буду писать об одном лагере, в котором работала (а их было в то время 9).

В четвертом лагерном отделении в то время содержалось 6000 мужчин, все они работали на строительстве нашего города. Штаб наш стоял в зоне, рядом с бараками заключенных, огорожен колючей проволокой. Кто они были, эти заключенные?

В нашем городе не было осужденных по 58 статье. Были уголовники, но основная масса заключенных отбывала свои сроки по указу об усилении охраны социалистической собственности. Сидели простые мужики-колхозники, рабочие, и, как ни странно, как ни горько, большая половина фронтовики. Пол-Европы они проползли по-пластунски, воевали за Родину, за Сталина. Закончилась война, вернулся воин домой, в родную деревню, к семье, к детям. Дети без отца наголодались, намучились. Отец пошел в колхоз - там тоже ничего нет, и он решил самовольно взять мешок картошки, чтобы накормить своих голодных детей. Он взял эту картошку, как свою. Он Родину защищал, он считал себя хозяином хотя бы в той же деревне. Власти судят его и сажают на 10 лет лишения свободы. А если кто украл мешок пшеницы - 25 лет лишения свободы. Смогли ли их дети получить какое-то образование? Конечно, нет.

Содержались в лагерях и такие заключенные, как, например, директор обувной фабрики г. Саратова (простите, фамилии не помню - прошло уже 35 лет). Он присвоил тысячи из государственных средств. Из г. Саратова на персональном самолете летал на любую премьеру в Москву. Что, он на зарплату жил? Такие люди и на фронте не были, и дети их выучились, и в лагере они жили с привилегиями.

срок отбывала - сошла сума. Дети выросли, но как они росли? И ведь выросли достойными гражданами, честными, трудолюбивыми.

В то время за мелкую кражу личного имущества, за мелкое хулиганство срок давали один год. Попадали по таким статьям опять же те, которые росли без отцов, сироты. Отбудет свой срок, его надо освободить, а он прячется в лагере, не хочет уходить, ему некуда идти - ни родных, ни близких. На работу после заключения трудно устроиться - не брали. Такие люди специально опять совершали преступления и попадали снова в лагерь.

В отношении питания: в лагерях кормили хорошо, паек как у солдат. Чуть позднее открыли вечерние школы, кто желал - мог получить среднее образование.

Вот кто строил наш город и основные промышленные объекты.



Женщины - сотрудницы УИТЛ.
(Фото 1957 года).

Работала я в женском лагере №9 в д. Додоново, где женщины отбывали свое наказание. Были уголовники, многие сидели 18-20 лет, другой жизни они не знали и на свободу особо не стремились. Но были такие несчастные: они тут, в заключении, а дети где-то там...

Сидели за растрату. Их запутывали дельцы-хапуги: сами на воле кутили, а доверчивую молодежь садили в тюрьму.

В то время за аборт садили и давали до 10 лет. Все считали, что виновата в этом женщина. А где же мужчины?

Еще напишу об одной женщине, о ее судьбе, которую я отлично знаю, но умышленно не назову фамилию. Она - коренная сибирячка. Во время войны работала в колхозе, хлеб молотила и в рукавички набрала пшеницы. Ее осудили на 5 лет лишения свободы, а дома осталось два мальчика, восьми и девяти лет, круглые сироты, так как отец был на фронте и на фронте были ее четыре брата. А она, пока

срок отбывала - сошла с ума. Дети выросли, но как они росли? И ведь выросли достойными гражданами, честными, трудолюбивыми.

В то время за мелкую кражу личного имущества, за мелкое хулиганство срок давали один год. Попадали по таким статьям опять же те, которые росли без отцов, сироты. Отбудет свой срок, его надо освободить, а он прячется в лагере, не хочет уходить, ему некуда идти - ни родных, ни близких. На работу после заключения трудно устроиться - не брали. Такие люди специально опять совершали преступления и попадали снова в лагерь.

В отношении питания: в лагерях кормили хорошо, паек как у солдат. Чуть позднее открыли вечерние школы, кто желал - мог получить среднее образование.

Вот кто строил наш город и основные промышленные объекты.

СЕРГЕЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
бывший командир охраны заключённых

Я прибыл в Красноярск 18 декабря 1950 года. Сразу же был назначен командиром подразделения солдат, которые охраняли заключенных, работавших в деревне Злобино на шлакоблочном заводе на восточной ветке (за "Бумстроєм"), на «Причале».

На станции Базаиха был штаб исправительно-трудовых лагерей (контора, отдел кадров). Фронт работы расширялся. Начали создаваться Злобинский песчано-гравийный карьер (за Березовкой), лаготделение в Терентьевке по строительству мостов, в районе будущего поселка Тартат - металлобаза.

На восточной ветке заключенных охранял дивизион, остальные пункты охраняли взводы. Солдаты жили в палатках, несмотря на сильные морозы, доходившие до 50 градусов; заключенные - в землянках. Было много побегов, особенно со станции Базаиха. Заключенные были осуждены, в основном, за бытовые преступления, хищения государственного имущества. Были и осужденные за бандитизм со сроком до 25 лет, за изнасилования и другие преступления. Все заключенные и солдаты подчинялись командованию 505 стройки (специализированная железнодорожная организация ГУЛЖДС). Мне пришлось командовать солдатами и офицерами на всех названных объектах. Так было до лета 1951 года, когда меня перевели в расположение соцгорода. Здесь уже было оборудовано несколько лагерей заключенных. Один из них размещался там, где впоследствии стоял полк Озиранского - лагерь № 4. Начальником его был Павелко Алексей Войцехович. Именно он начинал строить лагерь №1 на "Элке", около бетонного завода.

Название "Элка", как мне рассказывал доктор Ошаров, один из первых приехавших на стройку, произошло от имени деда Леонида, жившего в летнем домике-сарае, стоявшем на этом месте. Дед Леонид

работал пастухом. Ошаров встречался с дедом в 1952-1953 годах, спрашивал, сколько же ему лет, на что тот не смог ответить. Вокруг дома-сарая были поля, в сарае хранился сельхозинвентарь. Потом в комнатке деда жил подчиненный Ошарова - Юненко Алексей Алексеевич.

Первый лагерь создавался для строительства и эксплуатации бетонного завода, АРЗа, РМЗ, МК-17. На эти работы выделяли заключенных и инженерно-технический персонал. Лагерь был на 4,5 тысячи человек. Потом он стал пересыльным. Функционировать начал с 1950 года, начальником его был Павелко А.В.. Лагерю №1 подчинялся и штрафной лагерь. Я работал в первом лагере начальником спецчасти по учету прибывающих и убывающих. Нашему лагерю подчинялся женский, расположенный в Додоново. Лагерное отделение в деревне Новый Путь подчинялось лагерю №2, размещавшемуся на "Майке". Во всех лагерях отсутствовали политические заключённые и рецидивисты.

В 1953 году была амнистия. Освободили 28 тысяч человек (из лагерей №6 - пять тысяч, №5 - пять тысяч, №4 - пять тысяч, №1 - пять тысяч, №2 - пять тысяч). Были освобождены все женщины.

Лагерь №2 размещался на "Майке" на месте теперешнего ПТУ - в сторону деревни Калиновка (потом там была воинская часть).

Лагерь №1 был принимающим этапы (принимали на железнодорожной ветке, идущей на базу УРСа). На пустыре проходил отбор заключенных. Иногда их было много, и на пустыре приходилось ставить палатки, чтобы заключенные жили там до распределения в лагерь.

Лагеря №6 и №7 были сформированы для горных работ. Павелко А.В. ушел в лагерь №7, а начальником первого лагеря стал Бабкин Владимир Степанович, начальником лагеря №6 - Чупров Иосиф Борисович.

Одним из первых был закрыт лагерь №5. Лагерь №4 работал на строительстве города вместе с заключенными лагеря №1, но от этого лагеря работала только часть заключенных. А когда в 1953 году лагерь №4 расформировали, то заключенных перевели в первый лагерь. В освободившихся помещениях лагеря №4 разместился полк Озиранского.

Бытовая обстановка в лагере была нормальной. На футбольном поле, размещенном перед лагерем, очень долгое время стояли бочки с красной рыбой, и долго не знали, что с ней делать. Заключенные не хотели ее есть. Приехало московское начальство и посоветовали из этой рыбы делать котлеты. Жалоб на питание не было. В лагерных магазинах продавали очень вкусный хлеб и многие работники лагеря и охранники покупали именно этот хлеб. Его называли «горняцкий», так как выпекался он для горняцкого лаготделения в пекарне, которая находилась там, где сейчас прачечная.

В лагере были следующие зачеты: за 151% выработки - три дня, за меньший процент - два дня в отработанный день. Волнения в лагере вызывались поведением самих заключенных. Было два серьезных бунта: один во втором лагере, другой - в четвертом. Причины следующие: когда солдаты 505 стройки ушли, место охраны заняли охранники таджики, узбеки. Заключенные их поддразнивали из-за того, что они плохо говорили по-русски. И это провоцировало то, что охрана открывала по заключенным стрельбу. Заключенные были готовы бунтовать по любому поводу. Так, например, в Терентьевке бунт был из-за того, что главаря заключенных посадили в штрафной изолятор. Заключённые дождались, когда привезут продукты, взяли часть их себе и собрались там сидеть до тех пор, пока не выпустят их главаря.

А вот события в четвертом лагере заставили открыть штрафной изолятор, так называемую «дачу Шамарина» (1954 г.). Перед лагерем заключенные шли с работы и поддразнивали охранника. Тот не выдер-

жал и выстрелил, да попал не в того. А в то время в ШИЗО сидели главари и заключённые бросились их освобождать. В первом лагере как раз были представители из Москвы. Медведюк (бывший начальник надзора первого лагеря) пошел с ними наводить порядок. Взбунтовавшиеся заключенные убили 11 человек бригадиров и помощников, которые помогали политчасти в организации различных мероприятий. Медведюк вместе с «москвичами» вначале отогнали бунтовщиков от ШИЗО, а затем навели порядок в лагере.

Во втором лагере волнения были два-три дня. Причина: нарушения со стороны заключенных. Волнения устранили так. Был назначен день операции. Из двух лагерей взяли в помощь охранников. В результате все бараки в лагере были окружены, чтобы между ними не было сообщения. И надзиратели вместе с пожарными начали освобождать лагерь от бунтарей.

В свое время в беду попал сам Шамарин. Это было в Терентьевке. Там тоже был бунт, и Шамарин пошел к заключённым на переговоры. Заговорщики бросились на него и командный состав с пиками. Командный состав был от стройбата, из штаба, которым командовал Шамарин, и мне пришлось дать команду командиру взвода Балашову: "Открыть огонь, чтобы отсечь заговорщиков от парламентёров". Пострадал только один солдат из команды стройбата: он задержался на крыше, а так как стреляли с противоположной стороны, то его ранили.

«Шамаринский лагерь» просуществовал где-то до 1957 года. Заключенные этого лагеря строили шандоры (водноспускные устройства) на озере. Наверное, они рыли и сток у дамбы. Максимальный срок в ШИЗО был пятнадцать суток, затем заключенных возвращали в свои лагеря. Всех заключенных ШИЗО выводили на работы. Питание в этом лагере было немного похуже, чем в других лагерях. Вообще нареканий на счет пищи у заключенных не было. На

территории лагеря №1 было 16 бараков, семнадцатый барак - ШИЗО. Восемнадцатый штаб. В каждом лагере был свой штрафной барак, а «Шамаринская дача» - лагерь камерного содержания.

Смертные случаи в лагерях бывали. Умерших заключенных хоронили на горочке, там, где сейчас ГАИ. Я был начальником кладбища. Захоронено там человек тридцать-сорок, не считая тех одиннадцати, убитых во время бунта.

Родился я в Ленинграде в 1922 году. Прошел всю войну, немного даже Финскую захватил. Когда война окончилась, остался работать в Германии в советской военной администрации. После демобилизации из армии работал в Пензе в МВД, а затем был командирован сюда, в п/я 9, в декабре 1950 года.

СКИРДОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ, капитан

Я, в звании капитана, прибыл на строительство п/я 9 девятого августа 1950 г. из Эстонской ССР. Там, в пос. Силломая, на берегу Финского залива, была стройка, которую возглавлял Михаил Михайлович Царевский. По прибытии в Красноярск-26 был направлен в военно-строительный полк, который размещался на "Майке" ("девятый квартал"). Командиром полка был майор Литвиненко, потом - полковник Вадутов Идрис Галлеевич. Семья моя жила в деревне Белорусская, которой сейчас не существует.

Точное месторасположение военно-строительного полка (в/ч 0601) - существующий военный госпиталь. В то время напротив, через дорогу, располагался первый медсангородок, главным врачом которого была Чуканова. Вместе со мной в полку служил капитан Лобазов Федор Васильевич, был начальником школы сержантского состава, в дальнейшем возглавил УВСЧ.

Зимой 1950-1951 гг. был бунт в лагерном отделении пункта «М». Из возвращавшейся колонны спецконтингента с ДОКа выскочили несколько человек навстречу машине, в которой находился один из руководителей строительства - генерал-майор Закусило с целью убить его. Охрана заставила колонну сесть, а пытавшихся выполнить террористический акт - расстреляли на месте происшествия (примерно 11 человек).

Генерал-майор Закусило прибыл на стройку из г. Саратова, где был начальником УВД Саратовской области (читай газету «Правда» 1949-1950 гг., статья «Саратовская купель»).

**ПОКАТИЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, бывший
начальник лагеря строго режима.**

Я приехал в город в марте 1952 г. Работал начальником отряда охраны в седьмом лагере. Затем шесть месяцев в Додоновском лагере. Там было практически два лагеря: мужской и женский, разделенные между собой колючей проволокой. Многие расконвоированные женщины работали доярками, свиноводками, на полевых работах в деревнях Додоново и Новый Путь. Мужчины - на полевых работах под охраной.

Из Додонова меня направили на переподготовку в высшую школу МВД в Рязань. После окончания я вернулся в Красноярск-26, и стал начальником лагеря строгого режима.

В 1955 году, по указанию генерала Шамарина, на берегу реки Кантат (на территории, где сейчас размещается профилакторий «Строитель») был организован лагерь строгого режима. На территории этого лагеря размещались три жилых барака для заключенных, медпункт, баня, столовая, клуб, библиотека и отдельно выгороженная зона, в которой находилось здание ШИЗО (штрафной изолятор).

В этот лагерь направлялись заключенные со всех лагерей за какие-либо провинности и правонарушения на срок от шести месяцев до одного года. Численность заключенных доходила почти до тысячи. Жили они в бараках, условия проживания были нормальные, как и в лагерях общего режима - днем заключенных выводили на работу в АРЗ, на бетонзавод, на очистку ложа будущего озера, строительство дамбы и др.

Отказавшихся выходить на работу, нарушающих лагерный режим либо проявлявших хулиганские действия, руководство лагеря наказывало и помещало в штрафной изолятор сроком до пяти суток (большее наказание - до десяти суток - мог применять только начальник управления).

Причем, в ШИЗО существовало два вида наказания: общего режима и строгого режима, и содержались заключенные в разных камерах. Те, кто находился на строгом режиме, на работу не выводились и получали одноразовое питание в сутки. После исправления заключенные переводились обратно в свои лагеря, а тех, кто не исправлялся, продолжал нарушать режим - отправляли в Красноярскую тюрьму. Но это бывало очень редко. За мою бытность всего человек пять отправили в тюрьму.

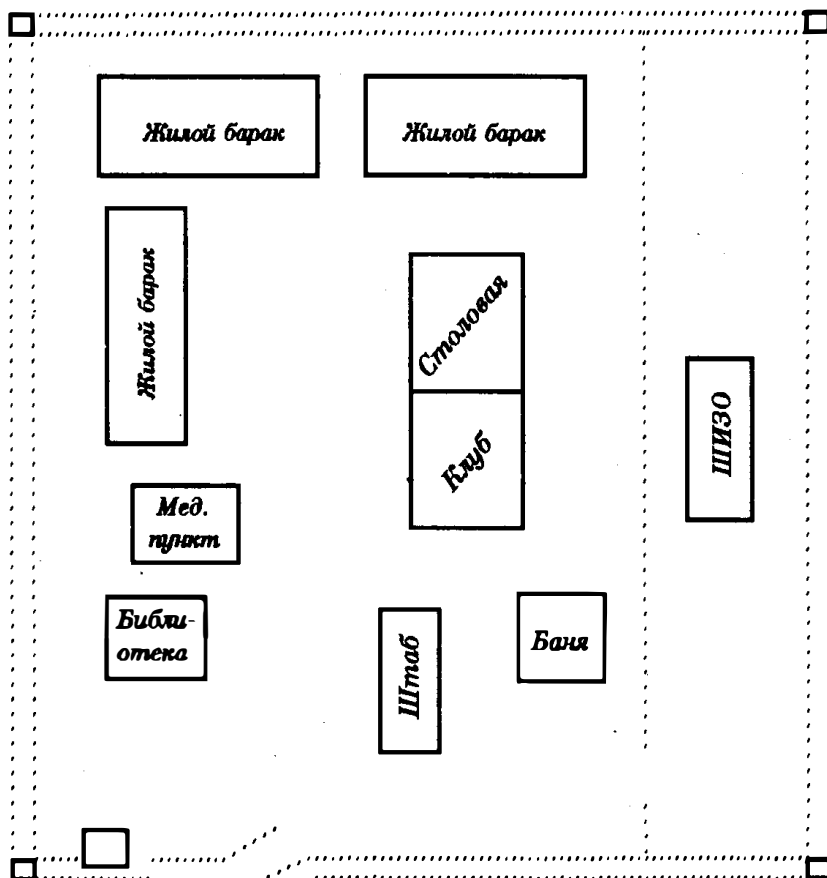
Сначала лагерь строгого режима был как лагпункт первого лаготделения, а затем стал самостоятельным лагпунктом №3. Лагпункт просуществовал до 1957 года, затем его расформировали. Всех заключенных отправили в д. Харюзовку Иланского района.

ШИЗО обслуживало три надзирателя. Заключенных, содержащихся в ШИЗО, было мало: пять-девять человек, так что не все камеры были заняты. Три человека жили на вольном поселении, рядом с лагерем. При лагере были лошади, на которых подвозились продукты и оборудование для лагеря.

Кормили в лагере хорошо, дешево и вкусно.

Были несчастные случаи при работе. Один - смертельный - произошёл при валке леса на расчистке ложа дна будущего озера - в результате нарушения правил техники безопасности. Других смертельных случаев не было. За технику безопасности во время работы отвечали заказчики, которые у нас получали заключенных. В данном случае виновным, по определению суда, оказался сам пострадавший.

В 1957 году лагерь расформировали, заключенных отправили в Харюзовку, а меня на строительство железной дороги "Абакан-Тайшет".



Лагерь строгого режима
(по рис. Н.В. Покатилова 1994 г.).

ПОДВОДЯ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ...

Анализируя архивные данные и воспоминания бывших работников ИТЛ и управления ИТЛ, расположенных на территории города Красноярск-26, можно сделать следующие выводы:

1. Контингент заключенных был привлечен к работе на строительстве «железных рудников» в 1950 г., после приказа МВД СССР №0036 от 29.05.50 г. Первые партии заключенных были использованы на «Причале» в районе ЦБК г. Красноярск, на погрузочно-разгрузочных работах и на строительстве железной дороги «станция Базаиха - г. Красноярск-26».

Эта железная дорога была построена в очень сжатые сроки. За полгода, к октябрю 1950 г. завершено строительство на участке «станция "Базаиха" - станция "Байкал" (соцгород)», протяженностью 42 километра.

Строили ее одновременно с восемью пунктов колонны заключенных (№№101-103, 105, 106, 108-110), расположенные вдоль трассы железной дороги: на станции Базаиха, четвертом, восемнадцатом, двадцать пятом, тридцать первом, сорок втором, сорок пятом и сорок восьмом километре. Жили заключенные в землянках. Практически дорога была построена за один летний сезон.

В июне 1953 года было открыто регулярное железнодорожное сообщение между промышленным объектом и станцией Базаиха.

Форсируя строительство железной дороги, начальник строительства генерал-майор М.М. Царевский применял не только традиционные методы поощрения за труд, т.е. как материального плана - зачеты срока заключения при перевыполнения дневного задания один к двум и один к трем, так и морального плана - объявление благодарности, присвоение звания «Отличник производства» и т.д., но и нетрадиционные методы поощрения. Вот что вспоминает техник-строитель Константин Акимович Рахманин: «В

феврале 1951 года мы работали на «Пасеке», на строительстве бетонзавода. В один из дней слышу: играет оркестр веселые марши. Вижу - примерно в 600-800 метрах от бетонного завода в стороне соцгорода стоит часовой с винтовкой, а рядом с ним - бутылка с водкой. А в метрах 500 от него работает бригада по укладке шпал и рельсов. Следом за ними едет железнодорожная платформа, на которой сидят оркестранты (человек 8-10 заключенных) и целый день играют марши и песни для бригады железнодорожных строителей. Задача бригады - дойти до часового и получить бутылку с водкой. Оказывается, Царевский ежедневно отмерял 1000 шагов дневного задания и ставил бутылку с водкой - премию за ударную работу.

Через два дня железная дорога прошла мимо бетонного завода...»

2. Основная задача, стоящая перед руководством стройки в то время - обеспечить горное управление рабочей силой для горно-проходческих работ. Для этого формировались лагерные отделения на "Пасеке" и на "Горе". Чтобы добраться до будущего расположения лагерей заключенных и объектов строительства, необходимо было построить дороги. Сначала проложена грунтовая дорога до "Пасеки", а затем от "Пасеки" до "Прижима" (маршрут №5) и до "Горы" (маршрут №7).

Силами заключенных на "Прижиге" была построена "полка", по которой проложена автомобильная и железная дороги. С "полки" начались основные горно-проходческие работы - проходка штолен (тоннелей). Заключенные на "Прижиге" работали в хозяйстве 107 и частично на хозяйстве - 106, на "Горе" - на хозяйствах 101 и 102 на проходке шахт.

3. Второе основное направление - обеспечить рабочей силой строительство жилых домов в городе. Силами заключенных построены жилые дома по

улицам: Ленина (до ул. Маяковского), Советской, Октябрьской; Андреева и Чапаева (в кварталах от ул. Ленина до ул. Свердлова).

4. Часть заключенных была занята на сельхозработах в селах Додоново, Шивера и Новый Путь, а также на подсобно-вспомогательных работах в швейных и сапожных мастерских и т.п.

Тамара Васильевна Вашко в своих воспоминаниях отмечает: «...Многие заключенные работали прорабами, бригадирами, бухгалтерами.»

Интересен факт из воспоминаний главного инженера строительного района Валентина Климентьевича Машера: «Для решения всех проектных вопросов наших сил не хватало, а зима приближалась.

М.М. Царевский дал указание в Красноярской пересыльной тюрьме подобрать группу опытных инженеров и разместить их в лагере п. «Майка», что было поручено мне. Было отобрано 28 человек квалифицированных инженеров...»

Рахманин Константин Акимович в своих воспоминаниях пишет: «...Летом 1951 года мне поручили строить компрессорную станцию у входа в портал на «Прижиме». За строительством этой компрессорной постоянно следил, в то время начальник Главка, генерал-майор Комаровский А.Н. Мне, молодому специалисту, было очень трудно и сложно разобраться с чертежами фундаментов под немецкие компрессоры. Мне в помощь направили опытного инженера (бывший главный инженер большого строительного треста, в то время - заключенный). Но оказалось наоборот, он - руководил стройкой, а я был у него в помощниках.»

Эти факты свидетельствуют о том, что руководство стройки старалось с максимальной возможностью использовать опыт и знания заключенных.

5. Основное размещение лагерных отделений и лагерных пунктов:

- ЛО №1 - пункт «Л» (рядом с домостроительным комбинатом), начальник В.С. Бабкин;

- ЛО №2 - на «Майке», начальник Черных,
- ЛО №3 - пос. Зыково, начальник И.Г. Шипов,
- Затем организованному лагерю рядом с ЛО №1 присвоен №3, начальник Устюгов М.В.,
- ЛО №4 - в городе, рядом с управлением ОЖДП, начальник А.В. Павелко,
- ЛО №(5)-6 - на «Пасеке», затем перебазирован на берег Енисея напротив села Атаманово, начальник И.Б. Чупров,
- ЛО №7 - на «Горе», начальник Г.И. Кириков,
- ЛО №8 - в поселке Зыково, начальник И.Т. Шилов,
- ЛО №9 - в Додоново, начальник Федулов.

6. Лагерь строгого режима, начальником которого был Н.В. Покатилов, располагался в лесу на берегу р. Кантат, на месте ныне существующей территории профилактория «Строитель».

Существовал он в период 1955-1957 годов. Сначала он был подчинен лаготделению №1, а затем выделен в самостоятельное подразделение управления ИТЛ. В составе лагеря строгого режима был и штрафной изолятор (ШИЗО). Этот лагерь обслуживал все лагерные отделения на территории Красноярска-26. Заключенные, нарушившие правила поведения в лагере либо проявившие хулиганские действия, направлялись в лагерь строгого режима на срок от 6 месяцев до одного года. Заключенные, находясь в этом лагере жили в таких же условиях, как в обычных лагерях, днем их выводили на работу. Отказывавшиеся работать или грубо нарушавшие правила поведения наказывались помещением в ШИЗО на срок до пяти суток общего или строгого режима. При строгом режиме заключенных на работу не выводили и они получали пищу один раз в сутки.

Штрафной изолятор обслуживал все лагерные отделения и лагпункты. Существовало ШИЗО как и лагерь строгого режима с 1955 г. по 1957 гг. и размещалось в специально построенном каменном здании. В нём имелось 12 камер по 9 и 12 кв. м. каждая.

Норма на одного заключенного - 1,5 кв. м. Практически же, по рассказам Н.В. Покатилова, заключенных в ШИЗО содержалось не более 9 человек.

Среди заключенных и населения города за ШИЗО закрепилось название «Шамаринская дача» по имени генерала Шамарина, заместителя Царевского.

Здание ШИЗО сохранилось. В нем сейчас размещается склад инвентаря профилактория «Строитель». Сохранилось внутреннее обустройство камеры с двойными дверями и нарами. В мае 1993 г. городскому музею, как экспонаты, переданы 2 двери одной из камер - наружная с «глазком» и окном для передачи пищи, и вторая, внутренняя - решетчатая.

7. Заключенные, находящиеся в лаготделениях и лагпунктах, обслуживающих строительство Красноярска-26 и промобъектов, были осуждены за бытовые, административные и уголовные преступления. Осужденные по политическим мотивам заключенные работали только в начальный период на строительстве железной дороги. После окончания они были переведены в другие лагеря.

Безусловно, трудно оспаривать меру наказаний осужденных. Воспоминания же бывших работников лагерных отделений и личные впечатления автора, по рассказам заключенных, занятых в то время на горных работах, вызывают оценку, по меньшей мере, жестокости указов того времени.

8. В основном, в лагерях поддерживался хороший порядок и дисциплина. Однако, были и случаи нарушения режима и даже массовые возмущения и попытки террористических актов. В своих воспоминаниях Г.С. Скирдов и С.М.Сергеев подробно рассказали о таких случаях. В основном, проявления недовольства возникали в начальный период формирования лагерей и только в тех лагерях, заключенные которых были заняты на строительстве города (лаготделения №1, 2, 4). Причем никогда причиной возмущений не были жилищно-бытовые условия или питание.

9. Бытовые условия, по заявлению бывших работников лагерей и самих заключенных, были нормальными. «Конечно, - как отметил в своих воспоминаниях С.Д. Вотинцев, - жилищно-бытовые условия были своеобразные. Лагерь есть лагерь.» Но на фоне описанных в литературе условий содержания заключенных в лагерях ГУЛАГа, жилищно-бытовые условия в лагерях, расположенных на территории Красноярска-26, действительно были нормальными.

В каждом лагерном отделении, помимо жилых бараков для заключенных, были столовая, баня, медико-санитарная часть, магазин, клуб, библиотека. В крупных лагерях работали вечерние школы. При клубах занимались кружки художественной самодеятельности. Регулярно подводились итоги производственной деятельности заключенных, определялись передовики производства, которые принимали участие в соответствующих слетах. Проводилась постоянная разнообразная воспитательная работа.

В жилых бараках стояли двухъярусные деревянные нары (на 4 человека), регулярно менялось постельное белье.

Питание заключенных было трехразовое. У занятых на горных работах - усиленное. Кроме этого заключенные могли покупать продукты в магазине или дополнительно питаться в коммерческих столовых.

10. Во всех лагерных отделениях были медико-санитарные части, а при лаготделении №1 - больничный стационар со всеми необходимыми лечебными отделениями. З.В.Еременко в своих воспоминаниях подробно описала состояние медицинского обслуживания заключенных. Медицинские работники честно выполняли свой долг, своевременно оказывая необходимую помощь заключенным.

11. Ни в коей мере не допуская идеализации обстановки в исправительно-трудовых лагерях ДФ-9, автор исследований на основании убедительных докумен-

тальных данных и воспоминаний свидетелей со всей определенностью заявляет, что они ничего общего не имели с концентрационными лагерями, как считают некоторые корреспонденты. Автору пришлось во время Великой Отечественной войны освобождать несколько концлагерей и он имеет право сделать соответствующие сравнения и выводы.

12. Среди горожан существует мнение, что, в основном, первая очередь (старая часть) города и промобъект построены заключенными. Это далеко не так. Официальные (архивные) данные свидетельствуют: на 1.01.53 г. списочный состав заключенных составил 27314 человек, из них - 23284 мужчин и 4030 женщин. На май 1954 г. во всех лагерях и лагпунктах было 10457 человек. Резкое сокращение произошло за счет амнистии в 1953 году. В то же время росло число военных строителей. В 1953 г. было уже 26 воинских частей, насчитывающих свыше 35 тысяч военнослужащих.

С 1953 г. началось постепенное сокращение лагерных отделений и замена заключённых на военнослужащих. В 1964 г. лагеря были расформированы. В январе 1965 г. упразднено управление ИТЛ.

Да, заключенные, а среди них были специалисты высокого класса разных профессий, внесли большой трудовой вклад в строительство города и промобъекта, однако, основной объем выполнили все же военные строители.

В заключение необходимо отметить, что проведенные исследования далеко не полностью вскрыли все особенности производственной деятельности, бытовых условий заключенных. Предстоит еще кропотливый труд дальнейших исследований с помощью архивных документов и воспоминаний очевидцев.

Ознакомившись с материалами «Исследования по истории исправительно-трудовых лагерей заключенных, расположенных на территории г. Красноярска-26», подготовленных к печати к сорокалетию нашего города, считаю их весьма ценными, актуальными и своевременными еще и потому, что в настоящее время в нашей и зарубежной прессе многие «стройки коммунизма» изображаются не иначе, как сооружениями, воздвигнутыми «на костях заключенных». Видимо предполагается, что в сталинскую эпоху не было и, якобы, не могло быть энтузиазма, патриотизма, а страх и только страх был «побудительным» мотивом всех ратных и трудовых свершений.

Мне, как руководителю службы безопасности горно-химического комбината, за последние три-четыре, так называемые "перестроечные" годы, неоднократно приходилось отвечать на многочисленные запросы и письма регионального общества «Мемориал» и комиссии городского Совета по реабилитации жертв политических репрессий (была и такая комиссия в составе горсовета), документально опровергая удобный для кого-то тезис о том, что и наш комбинат, и город также воздвигнуты на костях заключенных.

С годами все труднее и труднее будет восстановить историю создания ракетно-ядерного щита нашей Родины, так как документальных свидетельств, в силу закрытости и особой секретности подобного рода, сохранилось немного. Важные детали и обстоятельства стираются из памяти очевидцев и современников.

Ценность предлагаемого исследования заключается именно в том, что оно построено на официальных материалах архивов комбината (ГХК), живых и образных воспоминаниях очевидцев и непосредственных участников стройки.

Автор этих строк тоже может отнести себя к этой категории источников информации, так как с 1955 года по 1970 год по роду службы в городском отделе государственной безопасности имел непосредствен-

ное отношение к вопросам безопасности и секретности строящегося и действующего особорежимного объекта.

Работа по защите государственных секретов проводилась и среди контингента заключенных всех лагерей запретной зоны, принимавших участие в строительстве объекта. Если сотрудники оперативно-секретных отделов лагерей (воспоминания которых использует автор исследования) занимались совместно с руководством лагерей вопросами дисциплины, порядка и противопобеговыми мероприятиями, то на нас (сотрудников отдела КГБ) были возложены задачи выявления (в том числе и среди заключенных) бывших изменников Родины, власовцев и других немецких пособников периода Великой Отечественной войны. Также, что я хотел бы особо подчеркнуть, проводилось выявление и предотвращение фактов и обстоятельств, способствующих утечке государственных секретов. Защита секретов строящегося объекта была задачей (обязанностью) не только сотрудников контрольных органов, режимно-секретных служб стройки, но и всех ее участников, начиная от горняков, строителей, монтажников, эксплуатационников и кончая контингентами заключенных и военных строителей.

В связи с этим у читателя, очевидно, возникнут вопросы о совместимости существовавшего до последних лет ореола особой секретности вокруг горнохимического комбината и использования столь значительных контингентов заключенных и военных строителей при его создании, выборе площадки под строительство объекта и размещения его под толщей скальных пород правого берега реки Енисей в шестидесяти километрах от г. Красноярск.

Ответы на эти и многие другие вопросы не лежат на поверхности. Они требуют дополнительных исследований, но при всем этом следует исходить от складывающейся в тот период международной обстановки.

Известно, что конец сороковых и начало пятидесятих годов характеризовались высоким уровнем антисоветского противостояния западных держав и отмечались, как уже теперь документально подтверждено, массовыми забросками на территорию СССР агентов - нелегалов, подготовленных иностранными спецслужбами для проведения разведывательной работы, в частности, с задачей обнаружения атомных предприятий на нашей территории и сбора о них разведывательной информации.

Агрессивные круги США, овладев с помощью объединенных усилий ученых Запада секретами атомной бомбы и испытав ее на мирных жителях японских городов Хиросима и Нагасаки, предъявили претензии на мировое господство.

Мировая печать позднее опубликовала документальные данные о бредовых планах США и намерениях нанесения превентивного атомного удара по городам и оборонным объектам стран Варшавского договора. И, прежде всего, по СССР.

Период эйфории от атомной монополии США, развеял взрыв советской бомбы в 1949 году. Устремления спецслужб противника, и прежде всего - США, с целью обнаружения атомных предприятий СССР и сбора о них разведывательных данных, получили мощный импульс и приобрели тотальный характер.

Учитывая заметное отставание СССР в производстве атомного оружия, США не отказались и от бредовых планов нанесения ядерного удара по СССР. Одновременно ими принимались меры по совершенствованию ядерного оружия. В ноябре 1952 года военными США был произведен взрыв устройства с водородным зарядом, эквивалентным миллиону тонн обычной взрывчатки. Эффект разрушения превзошел все ожидания, но «чудовище еще не было бомбой, которую можно было поднять на самолете». Поэтому этот замечательный технический успех не принес американским ученым полного удовлетворения.

В апреле 1953 года правительство Советского Союза заявило о том, что Соединенные Штаты не обладают монополией на производство водородной бомбы. В августе 1953 г. было произведено испытание первой в мире водородной бомбы, созданной под руководством А.Д. Сахарова.

В марте 1954 г. на атолле Бикини в Тихом океане США взорвали свою первую водородную бомбу. Произведенный в ноябре 1955 г. на Новой Земле взрыв водородной бомбы эквивалентной по мощности нескольким мегатоннам взрывчатого вещества. Испытанный практически боевой вариант оружия, вызвавший эффект землетрясения в Скандинавских странах и эхом прокатившийся по всеми земному шару, надолго остудил не в меру воинственный пыл Пентагона.

Началась эра атомного противостояния, паритет в котором и спас человечество от ядерной войны.

Но все это было потом, а мы возвращаемся к 1950 году, когда было подписано Постановление о строительстве Горно-химического комбината, именовавшегося тогда строительством "железных рудников".

Два определяющих условия к строительству объекта диктовала международная обстановка - это особая секретность и очевидный дефицит времени.

Если первое требовало тщательного отбора и проверки привлекаемых для этого контингентов строителей и монтажников, то второе - мобильных, легко и быстро регулируемых в количественном и качественном отношении и не требующих особых социальных обустройств контингентов. Таковыми в то время могли быть только заключенные и военные строители.

К началу строительства комбината уже были построены и сданы в эксплуатацию два аналогичных объекта по наработке военного плутония: Челябинск-40 и Томск-7.

Размещение объектов атомной промышленности на значительном расстоянии от западных и восточных границ, а также рассредоточение их на значи-

тельном расстоянии друг от друга диктовалось требованиями безопасности и недостижимости их бомбардировочной (стратегической) авиацией противника (баллистических и межконтинентальных ракет еще не было).

Принятым в^е феврале 1950 г. совместным Постановлением ЦК КПСС и Совмином предусматривалось строительство оборонного предприятия атомной промышленности на территории Красноярского края.

Отличительной особенностью и уникальностью проекта было то, что он предусматривал размещение строящегося объекта под землей. Правильнее сказать, в толще горного массива на глубине 200 метров от поверхности, с тем, чтобы объект не потерял устойчивости в случае нанесения по нему мегатонного ядерного удара.

Подземное размещение атомных объектов рекомендовал и академик А.Д. Сахаров в целях обеспечения большей безопасности, а также на случай аварии и других так называемых "нештатных технологических ситуаций".

Проектом предусматривалось автономное обеспечение энергетическими и другими ресурсами объекта на случай ядерного нападения и непрерывная работа на нем начинки для атомных бомб в условиях военного времени.

В условиях неимоверно трудных послевоенных лет за рекордно короткие сроки объект был построен и принят в эксплуатацию: в 1958 г. был пущен первый промышленный реактор, в 1961 г. - второй, в 1964 - третий, двухцелевой, который помимо выработки военного плутония и сегодня снабжает электроэнергией и обогревает наш город.

С пуском в 1964 г. в эксплуатацию радиохимического завода комбинат вышел на проектную мощность. Всего немногим более шести лет потребовалось для строительства и пуска уникального, не имеющего аналогов в мировой практике, подземного оборонного комплекса, который был возведен поистине героичес-

ким трудом всего народа. Нужно отметить, что на горных и строительных работах было занято, в общей сложности, около 70 тысяч заключенных.

О контингентах заключенных, их жилищно-бытовых и других социальных условиях довольно подробно сообщают в своих воспоминаниях бывшие работники исправительно-трудовых лагерей: С.Д. Вотинцев, Г.А. Донякин, П.А. Коркин, А.И. Колпаков, С.М. Сергеев, Г.С. Скирдов, З.В. Еременко. Некоторых из них я знаю и в объективности их воспоминаний не сомневаюсь, так как сам был свидетелем многих изложенных ими событий или обстоятельств.

Я подтверждаю и их тезис о том, что на строительстве объекта были заняты, в основном, осужденные за бытовые и административно-хозяйственные преступления (правонарушения), что политические осужденные использовались только в первоначальный период и только на строительствах железной и шоссейной дорог от г. Красноярска, жилья и вспомогательных объектов при них.

Запрет на использование в строительстве объектов контингента политзаключенных объясняется особой секретностью и безопасностью строящихся объектов.

Я в начале уже сказал, что обеспечение секретности строящегося объекта явилось одним из важнейших условий и особенностей стройки. Мне, например, известно о том, что еще до начала строительства из круга тогдашней запрещенной зоны - Сухобузимского, Емельяновского, Березовского и Манского районов - под благовидным предлогом отселялись в другие районы края и страны так называемый «спецконтингент» - лица, находящиеся в ссылке и на спецпоселении. Были приняты дополнительные меры по закрытию края для посещения иностранцами, запрещены полеты самолетов и других летательных аппаратов над территорией запрещенной зоны. Проводились тщательный отбор и проверка специалистов и всех гражданских лиц, прибывающих на строитель-

ство объекта, выезд которых из запретной зоны в течение первых двух-трех лет даже в отпуск не разрешался.

Все, кто прибывал в зону и участвовал в строительстве объекта, в том числе и заключенные и военные строители, проходили соответствующий инструктаж и предупреждались подпиской о неразглашении любых сведений, касающихся дислокации, назначения и характера производства строящегося объекта. При выезде с площадки - повторно предупреждались подпиской о неразглашении.

В целях зашифровки действительного назначения строящегося объекта в открытой переписке указывалось "строительство «железных рудников»" (отсюда - г. Железнодорожск). «По секрету» распространялась легенда о том, что строящийся объект предназначен для производства так называемых «галогенфторидов». Эта туманная и трудно усваиваемая легенда на первых порах срабатывала при инструктаже командированных, отпускников и служебной переписке с грифом «для служебного пользования».

Следует отметить, что принятые меры по линии контрольных органов, режимно-секретных служб и другие меры на протяжении более десяти лет не позволяли спецслужбам противника собрать о строящемся оборонном объекте интересующие их сведения.

Первые отрывочные данные об объекте специалистами США были получены в начале шестидесятых годов. По данным советской разведки, относящимся к тому времени, ЦРУ располагало сведениями «о строительстве подземного реактора в районе деревни Додоново (60 километров от г. Красноярск). С тех пор в США, сначала в закрытых источниках, а потом и в открытой печати, наш объект значится как «Додоновский реактор».

С получением разведывательных данных об осведомленности ЦРУ о «строящемся в районе Додоново подземном реакторе» отделу КГБ в г. Красноярске-26 было поручено организовать розыск источника (источников) информированности служб США. Прорабатывалось много версий и одна из них, что утечка информации прошла по каналу потока заключенных.

Было установлено, что из-за отсутствия до 1955 года пересыльного пункта, в лаготделениях запретной зоны оказались заключенные, не подлежащие в них содержанию по режимным условиям (требованиям), в том числе:

- осужденные за бандитизм, грабеж, разбой - 380 чел.,
- воров-рецидивистов и воров в законе - 14 чел.,
- без определенного места жительства - 455 чел.,
- уроженцев Прибалтики и Западной Украины - 64 чел.,
- репатриантов, спецпоселенцев и выселенных - 107 чел..

Кроме того, как выяснилось, в ИТЛ и лагпунктах, занятых на строительстве объекта, отбывали наказание граждане «иностранных национальностей», в том числе - 231 поляк, 96 немцев, 21 грек, 10 румынов, 29 болгар, 2 финна, 1 негр, 1 испанец. Среди заключенных «иностранных национальностей» попадали лица ранее судимые за особо опасные государственные преступления, то есть по бывшим ст.58 УК РСФСР. Как уже отмечалось, в начальный период стройки, когда срочно требовалось большое количество рабочих рук, были нередки случаи ввода в зону заключенных без дополнительной специальной проверки. В последующем «нежелательных лиц» выявляли и срочно отселяли в другие лагеря Красноярского края.

При розыске источника информации особое внимание было уделено лицам немецкой национальности из числа так называемых «перемещённых лиц», в 40-х и 50-х годах работавших на совместных уранодобывающих рудниках в ГДР и в Чехословакии, а

позднее отбывавших наказание в ИТЛ СССР за совершенные уголовные и другие преступления. Лица немецкой национальности, правда, вскоре были отселены и направлены в Норильлаг. Установлено также, что часть из них после отбытия наказания и возвращения в ГДР оказалась в Западной Германии.

Известно, что особую активность спецслужбы США, действовавшие с территории ФРГ, проявляли как раз в период 1955-1966 гг., когда из СССР возвращались немецкие специалисты, согласившиеся после окончания войны поехать в Союз и определенное время проработавшие в научных предприятиях и на предприятиях атомной промышленности. Часть этих лиц по определенным причинам попадала в исправительно-трудовые лагеря. После возвращения в ГДР, а затем оказавшись на Западе, они подвергались тщательным допросам об их пребывании в СССР.

Вопрос о розыске источников информации спецслужб США об объекте - специфический, и он выходит за рамки нашего исследования.

При более тщательной проверке сотрудниками нашего отдела среди заключенных, отбывавших наказание в ИТЛ закрытой зоны за уголовные преступления, были выявлены и лица, совершившие особо опасные государственные преступления, дела которых рассматривались спецсудом нашего города.

На моей памяти дело на бывшего заключенного Стричко Степана (отчество не помню), 1924 г. р., уроженца Полтавской области, отбывавшего наказание за воровство. Это была его третья или четвертая судимость. В ходе дополнительного следствия, которое вел опытный следователь отдела Денисенко В.П., было установлено, что Стричко в период Великой Отечественной войны дезертировал из рядов Советской Армии, остался на оккупированной территории, служил полицаем, принимал участие в расстрелах партизан, коммунистов, военнопленных, комсомольцев, арестах и угонах в Германию своих односельчан. Фашистами был внедрен в лагерь для перемещенных

лиц, среди которых выявлял и выдавал коммунистов, офицеров. Служил в армии Власова (Р.О.В.). После разгрома немецкой армии под другой фамилией прошел репатриацию, был зачислен в ряды Советской Армии. Демобилизовавшись, в 1945 году выехал на Алтай, затем в Сибирь, и, боясь разоблачения и ответственности за измену Родине, совершил одно за другим три уголовных преступления. Из 13 послевоенных лет - 12 находился в ИТЛ. Отбывая наказание в лагере Додоново, убил своего напарника по работе, которому по пьянке проговорился о том, что отбывает наказание под чужой фамилией.

В начале марта 1958 г. в кинотеатре «Родина» состоялся открытый суд над Стричко С., который длился три дня. На суд были приглашены свидетели - родители расстрелянных двоих комсомольцев.

Суд приговорил Стричко к высшей мере наказания, приговор зал встретил аплодисментами. Верховный суд отказал в прощении о помиловании.

Факты разоблачения подобного рода преступлений были не единичны. Сейчас, по прошествии многих лет, принимаются попытки очернить некоторые страницы нашей истории, истории во многом противоречивой и сложной... Разве не противоречивы истории великих строек, в том числе и особо важных оборонных (военных) объектов: особая секретность строек и тысячи заключенных на них, создание атомных ((водородных) бомб и борьба за мир на Земле.

Автор этих строк дополнил исследования с тем, чтобы у читателя сложилось более полное впечатление о контингенте заключенных, причастных к строительству горно-химического комбината и города Красноярск-26 в ту напряженную в международном отношении обстановку, а также о той работе, которую проводили контрольные органы.

Роль и значение заключенных в строительстве нашего города и промобъекта очевидны. Но очевидно и то, что не «на костях политзаключенных» создавались закрытые города и атомные объекты, и что не

только им следует возводить памятники на самых видных местах этих городов, как предлагают современные «правозащитники». На примере строительства нашего города, горно-химического комбината, других объектов видно, что это была всенародная стройка и в ней участвовали не одни только заключенные. Достаточно сказать, что только за шесть лет строительства комбината, кроме 70 тысяч заключенных, в нем приняли участие более 135 тысяч военных строителей и десятки тысяч вольнонаемных рабочих и специалистов - горняков, строителей, монтажников, эксплуатационников.

Но это - тема уже для другого исследования.

Что же касается «памятника», то он воздвигнут, и им является наш юбиляр - город Атомград, Железнодорожск, Красноярск-26. И как бы его не называли, он есть и останется яркой страницей нашей с вами истории - истории сложной и во многом противоречивой. А историю, как известно, нельзя ни переписать, ни переделать. Ее надо принять такой, какая она есть.

*И.С. Машковцев, Зам. директора ГХК по безопасности,
полковник в отставке*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Редкие фото из фондов музея

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	1951	VI	1	Управленец системы семейного хозяйства МВД СССР	на основании приказа 1575 от 31. VII. 1951 г.	
2	1952	VII	15	Перемещен на должность старшего инспектора	на основании приказа 6015 от 19. VII. 1952 г.	
3	1953	II	20	Утвержден в должности старшего инспектора	на основании приказа 319 от 23. II. 1953 г.	
4	1955	III	15	В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 15. III. 1955 г.		

Зам. нач. Упр. ИТА ДФ МВД

Зам. нач. Упр. ИТА ДФ МВД

Выдано « 10 августа 1957 г.

Действ. по « 10 августа 1958 г.

Продлено по « — 195 — г.

Зам. нач. Упр. ИТА ДФ МВД

Зам. нач. Упр. ИТА ДФ МВД

МВД — СССР

УПРАВЛЕНИЕ ИТА ДФ МВД

Удостоверение МДВ 1/11

Буров

Владимир Иванович

находится на службе в Управлении ИТА ДФ в должности

ст. инспектора

Зам. нач. Упр. ИТА ДФ МВД













Содержание

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СКУПЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ _____	4
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ БЫВШИХ РАБОТНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ _____	11
ЕРЕМЕНКО (БОНДАРЕВА) ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА, медсестра _____	11
ВОТИНЦЕВ СЕРГЕЙ ДЕМИДОВИЧ, бывший ин- спектор УИТЛ _____	18
ДОНЯКИН ГЕННАДИЙ АКИМОВИЧ, бывший на- чальник оперативной части управления лагерей. —	20
ВОСПОМИНАНИЯ _____	23
КОРКИН ПРОКОПИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, бывший оперуполномоченный _____	23
КОЛПАКОВА А.И., бывший И.О. начальника ППЧ —	26
СЕРГЕЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ, бывший командир охраны заключённых _____	29
СКИРДОВ ГЕОРГИЙ СЕРГЕЕВИЧ, капитан _____	34
ПОКАТИЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, быв- ший начальник лагеря строго режима. _____	35
ПОДВОДЯ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ... _____	38
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ _____	45
ПРИЛОЖЕНИЯ (Редкие фото из фондов музея) _____	55

"Гранитный" из 505... (Исследование по истории исправительно-трудовых лагерей заключённых, расположенных на территории г. Красноярск-26).

Автор-составитель СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КУЧИН.
Данные публикуются впервые. Ссылка на источник обязательна.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КУЧИН — лауреат премии Совета Министров СССР, ветеран Великой Отечественной войны.

В городе — с 1953 года. Работал в горном управлении, в Красноярском управлении ВНИПИЭТ. В настоящее время работает старшим научным сотрудником музея.

Ведёт исследовательскую работу по истории города.

В тексте использованы: материалы фондов, документы центральных, краевых и местных архивов, исторические справки, воспоминания...

МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР:

660033 г. Красноярск-26, ул. Свердлова, 68.

а/я 192.

тел. 2 57 77, 3 48 08

факс 8(39197) 2 57 77

©Издание осуществлено при содействии редакционно-издательского отдела Красноярского Культурно-Исторического Центра. 1994.

